

Научная статья
УДК 94(47).083
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>

Андрей Николаевич Егоров
Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия
anegorov65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Andrei N. Egorov
Cherepovets State University
Cherepovets, Russia
anegorov65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства*

Minister of Confessions A.V. Kartashev and confessional policy of the Provisional Government

---

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды выдающегося богослова, министра исповеданий Временного правительства А.В. Карташева на церковно-государственные отношения и предлагаемые им меры по их реформированию. Карташев выступал не за полное отделение церкви от государства, а за такое «отдаление» их друг от друга, которое давало бы Православной российской церкви свободу, а государству позволяло быть светским, а не одностороннее конфессиональным. За небольшой период работы министерства исповеданий А.В. Карташев стремился устраниваться от церковного администрирования, отстаивал в правительстве интересы духовного ведомства и поддерживал ряд предложений Поместного собора. Карташев приступил к реализации юридического оформления системы многоконфессионального государства, последовательно

---

* Для цитирования: *Егоров А.Н.* Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 843–885, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>

For citation: Egorov, A. “Minister of Confessions A.V. Kartashev and confessional policy of the Provisional Government.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 843–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>

© Егоров А.Н., 2021

© Egorov A., 2021

отстаивал интересы Православной церкви перед другими министерствами и ведомствами. Он постепенно отходил от доктринальных установок Временного правительства об отделении церкви от государства, склонялся к усилению влияния церкви в жизни общества, усматривая в ее деятельности залог духовного спасения России. Такой подход не совпадал с представлениями о роли церкви в жизни общества, сложившимися в либеральных и социалистических кругах, и приводил к несоответствию деклараций Временного правительства тем мероприятиям, которые оно проводило в церковной сфере. Рассмотрены причины, позволявшие А.В. Карташеву проводить свою линию в конфессиональной политике. Важнейшая из них заключалась в том, что ни Временное правительство, ни кадетская и эсеровская партии не относили проблемы церковно-государственных отношений к числу приоритетных, рассматривая их в контексте общих проблем демократического преобразования России и относя их окончательное решение к компетенции Учредительного собрания. Подчеркивается, что в наэлектризованной обстановке 1917 г. ни Временное правительство, ни Православная российская церковь не хотели идти на конфликт друг с другом. В такой ситуации компромиссная политика А.В. Карташева полностью устраивала обе стороны и смягчала негативное отношение церковных кругов к деятельности Временного правительства.

Ключевые слова: Временное правительство, А.В. Карташев, Православная российская церковь, Святейший Синод, конфессиональная политика.

Abstract. The article considers the views of A. Kartashev, an outstanding theologian, Minister of Confessions of the Provisional Government, on relationship between church and state in Russia and the measures he proposed in order to reform them. What Kartashev advocated was not the complete separation of church and state, but rather such a “growing distance” between them which would give the Russian Orthodox Church independence and would allow the state to be secular rather than unilaterally confessional. During the short period when the Ministry of Religious Confessions was working, Anton Kartashev tried to be less involved into church administration, defended the interests of the religious department in the government, and supported a number of proposals from the Local Council. Kartashev began to implement the legal registration of the multi-confessional state system and consistently defended the interests of the Orthodox Church in other ministries and government departments. He gradually moved away from the doctrinal guidelines of the Provisional Government on the separation of church and state and became inclined to strengthen the influence of the church in the life of society, seeing its activities as a guarantee of the spiritual salvation of Russia. This approach did not coincide with the ideas about the role of the church in the life of society which had developed in liberal and socialist circles of that time and led to a discrepancy between the declarations of the Provisional Government and the activities it carried out in the church sphere. The article considers the reasons why Kartashev was able to pursue his line of confessional policy. The most important of these reasons was that neither the Provisional Government nor the Constitutional Democratic Party or the Socialist Revolutionary Party considered the problems of church-state relations a priority. They treated such problems in the context of general problems of the democratic transformation of Russia and attributed the right to solve them to the Constituent Assembly. It is emphasized that in the tense atmosphere of 1917 neither the Provisional Government nor the Russian Orthodox Church wanted to conflict with each other. In this situation, the compromise policy of Anton Kartashev suited both sides and softened the negative attitude of the church circles towards the activities of the Provisional Government.

Key words: Provisional Government, A. Kartashev, Russian Orthodox Church, Holy Synod, confessional policy

Благодарности: *Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00172 «В поисках святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)».*

Acknowledgments: *This article was prepared as part of the study supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00172 “In Search of Holy Russia: Biography of A.V. Kartashev (1875–1960).”*

Введение

Антон Владимирович Карташев хорошо известен как выдающийся богослов, мыслитель, историк русской церкви¹. Его политическая деятельность в роли последнего обер-прокурора Святейшего Синода и министра исповеданий Временного правительства изучена гораздо меньше, что связано как с небольшим сроком его нахождения у власти (главой Синода он был 12 дней, а министром – менее трех месяцев), так и относительной изученностью конфессиональной политики Временного правительства². При наличии обширного круга литературы по истории церкви в 1917 г. историки полагали излишним отдельное обращение к фигуре А.В. Карташева, что неудивительно: его роль отмечалась в любой серьезной работе по данной тематике³.

¹ Антощенко А.В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А.В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 4 (181). – С. 26–33.

² Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. ... док. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2014; Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010; Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль – октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1996; Smolitsch J. Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskanzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland) // Ostkirche Studien. – 1965. – № 4. – S. 3–34 и др.

³ Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – Санкт-Петербург: Лики России, 2008; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – Москва:

Название данной статьи на первый взгляд может показаться парадоксальным – зачем разделять конфессиональную политику Временного правительства и того человека, который проводил ее по своей должности? Однако, такое разделение вполне уместно. В современной историографии справедливо отмечается, что позиция министров Временного правительства по отношению к конфессиональной политике А.В. Карташева «выглядит довольно странной, поскольку предлагаемая реформа была весьма далека от их партийного лозунга о “религии как частном деле каждого”»⁴. П.Н. Милюков в эмигрантских работах, осуждая требования Православной церкви «первенства для себя перед другими исповеданиями», подчеркивал, что Временное правительство «не могло удовлетворить этих требований»⁵, но целый ряд шагов Карташева был направлен именно в эту сторону. Новейшие исследования констатируют «определенную противоречивость конфессиональной политики Временного правительства», признают, что «продекларированное равенство конфессий не было установлено»⁶.

Парадоксальную позицию занимает церковная историография – резко критикуя Временное правительство за его конфессиональную политику, она избегает негативных высказываний в адрес министра исповеданий, проводившего эту политику⁷. Мало того, в церковной историографии встречаются противопоставления А.В. Карташева Временному правительству, утверждается, что министр исповеданий занял позицию, полностью отражавшую интересы церкви⁸. Такие оценки противоречат мнению самого

Республика, 1995; *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). – Москва: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005 (Серия «Материалы по истории Церкви», кн. 35); *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – Москва: Духовная библиотека, 2002; *Benigsen G.M.*, Rev. The Year 1917 in the History of the Russian Church // *St. Vladimir's Seminary Quarterly*. – 1963. – № 3. – P. 115–125; *Smolitsch J.* Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917. Bd. 2. – Berlin: [w.p.], 1991; *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995 и др.

⁴ *Соколов А.В.* Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. – С. 442.

⁵ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – Москва: Прогресс, 1994. – Т. 2, ч. 1. – С. 206.

⁶ Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / составитель М.А. Бабкин. – Москва: РОССПЭН, 2018. – С. 38.

⁷ См.: *Цытин В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды, (1700–2005). – Москва: Сретенский монастырь, 2006. – С. 329–335.

⁸ *Митрофанов Г.*, протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1900–1927. – Санкт-Петербург: Сатисъ, 2002. – С. 88–90.

Антон Владимировича, защищавшего и оправдывавшего в эмиграции конфессиональную правительственную политику⁹.

Таким образом, несмотря на довольно обширную историографию по проблеме взаимоотношений Православной российской церкви и Временного правительства, дискуссионные вопросы остаются. Зачастую исследователи рассматривают Временное правительство, применительно к конфессиональной политике, как некое единое целое. Возможно, это связано с характером сохранившихся источников. В мемуарах основных деятелей правительства (П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, В.М. Чернов и пр.) церковная тематика применительно к 1917 г. практически полностью отсутствует, а журналы заседаний Временного правительства (протоколов и стенограмм не велось) не фиксировали разногласий между министрами. Причину этого объяснил управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков:

Что касается суждений, происходивших в заседаниях, то сразу решено было их формально не записывать, а также не отмечать разногласий при голосованиях, не вносить особых мнений в журнал и т.д. Исходной точкой при этом было стремление избежать всего того, что могло нарушить единство правительства и ответственность его в целом за каждое принятое решение¹⁰.

Конечно, следы этих «суждений» и «особых мнений» частично прослеживаются в делопроизводственной документации и в более информативных материалах Юридического совещания (его протоколы и стенограммы тоже не велись), но крайне скудно.

Кроме того, понимая деликатность конфессиональных вопросов, члены Временного правительства не выносили разногласия по ним на страницы прессы и не собирались проводить в этой сфере серьезных преобразований, по крайней мере, до Учредительного собрания. Недаром глава первого состава Временного правительства князь Г.Е. Львов откровенно признался А.В. Карташеву весной 1917 г., что «боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто бы Временное правительство “насилует церковь”»¹¹.

В такой ситуации исследователи судили о конфессиональной политике Временного правительства, прежде всего, по его декларациям и программным заявлениям, не придавая существенного значения расхождению заявлений с

---

⁹ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь // *Современные записки.* – Париж. – 1933. – № 52. – С. 369.

¹⁰ *Набоков В.Д.* Временное правительство // *Архив русской революции: в 22 т. Т. 1.* – Берлин: Слово, 1921. – С. 33.

¹¹ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 378.

конкретными действиями. В данной статье рассматриваются взгляды А.В. Карташева на церковно-государственные отношения и предлагаемые им меры по их реформированию, что может объяснить причины несоответствия деклараций Временного правительства его мероприятиям, проводившимся в церковной сфере.

Основная часть

В ходе Февральской революции обер-прокурором Святейшего Синода стал депутат IV Государственной думы В.Н. Львов. Он решительно увольнял епископов, получивших свои должности при поддержке Г.Е. Распутина или считавшихся его друзьями, пытался полностью контролировать и регулировать важнейшие церковные дела, что привело к неизбежному конфликту с иерархами. Стремясь укрепить свое положение, В.Н. Львов пытался найти хороших помощников, имевших авторитет в религиозных кругах. Он обратил внимание на председателя петербургского «Религиозно-философского общества» А.В. Карташева, хорошо известного своими статьями по религиозным и церковным вопросам, в которых обсуждались идеи обновления церковной жизни, реформирование отношений между церковью и государством.

13 марта 1917 г. А.В. Карташев направил письмо Временному правительству с изложением концепции Совета общества по вопросу взаимоотношений государства и Православной российской церкви. В письме содержался призыв к новой власти взять курс на отделение церкви от государства, так как это единственная гарантия «реальной свободы религиозной совести». Государство рассматривалось как республика, так как монархический строй приводит к смешению «начал государственных и церковных». Предлагалось снять «всех иерархов, составлявших оплот самодержавия» и отменить введенную Петром I коллегиально-бюрократическую форму управления церковью. В письме содержалась критика обер-прокурора за непоследовательные шаги в деле отделения церкви от государства (введение в текст новой присяги «религиозного элемента» и пр.)¹².

Данные положения устраивали как главу правительства Г.Е. Львова, так и В.Н. Львова. В итоге А.В. Карташев был назначен 20 марта 1917 г. товарищем обер-прокурора Синода. Он видел задачу правительства в оказании помощи церкви в ее переходе «от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю». Для этого планировалось ликвидировать обер-прокуратуру, создав вместо нее Министерство исповеданий, которое временно

¹² Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов. – С. 178.

получило бы прежние обер-прокурорские полномочия для преодоления сопротивления епископата, не принявшего революционные изменения в стране и враждебно относившегося к принципу соборности. Новый министр исповеданий должен был ликвидировать созданное прежней властью церковное управление и объявить о выборах новой церковной власти. Для подготовки к Поместному собору предлагалось сформировать «Временный священный Синод» (в параллель Временному правительству) путем телеграфного голосования православного епископата¹³. Предложения А.В. Карташева не нашли поддержки во Временном правительстве, не настроенном на резкий слом отношений, сложившихся между государством и церковью.

А.В. Карташев полагал, что Февральская революция освободила Православную церковь от всяких «договорных связей» с властью и, следовательно, церковь получила полное право заявить о «хирургическом отрыве» от государства. Но она этого не сделала «в силу инерции связи с государством, имущественной и финансовой зависимости от него», а также неясности дальнейшего развития революционных событий и характерной для всех Православных церквей лояльности по отношению «ко всем политическим режимам»¹⁴.

После Февральской революции по России прошел целый ряд епархиальных съездов, участники которых четко высказались по вопросу взаимоотношений церкви и государства. Священники выступали за полную свободу церкви в ее внутренних делах, за независимость от светских властей, но при этом были категорически против отделения церкви от государства. Обоснованием данной позиции служили как исторические заслуги церкви в деле государственного строительства, так и преобладание в стране православного русского населения (порядка 70 %). При этом Православная церковь, «не посягая на права других церквей и исповеданий, должна быть первой между равными, поэтому глава государства, кто бы он ни был, должен быть православным»¹⁵. Существенное значение в позиции церкви имел материальный вопрос. Высказывались опасения, что немедленное отделение церкви от государства подорвет ее финансовое положение, а в дальнейшем «материальная помощь церкви со стороны государства должна быть понимаема как долг государства в виду ее

¹³ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 377.

¹⁴ *Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 годов / составитель Н.А. Кривошеева. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. – С. 487.

¹⁵ Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года / публикация и вводная статья М.А. Бабкина // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 9.

духовно-просветительской работы»¹⁶. Епархиальные съезды показали неприятие духовенством принципа отделения церкви от государства «на началах готовых западных образцов»¹⁷.

В этой связи понятно, что конфессиональная политика Временного правительства вызвала тревогу среди духовенства. Неудивительно, что после назначения А.В. Карташева церковные иерархи восприняли его как сторонника отделения церкви от государства, как «крайне левого»¹⁸, что объяснялось его статьями в прессе, в которых содержался призыв к ликвидации прежних церковно-государственных отношений¹⁹. Но довольно быстро церковные власти убедились в его способности идти на компромисс и учитывать мнение церкви. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал: «С А.В. Карташевым можно было договориться»²⁰.

12 июня 1917 г. открыл свою работу Предсоборный совет, созданный для подготовки Поместного собора. На нем определились различные точки зрения на будущую форму церковного управления. Одна исходила из идеи полного отделения церкви от государства и принятия синодально-соборной структуры церковного управления. Другая точка зрения, близкая Карташеву, признавая принцип отделения церкви от государства, выступала за предоставление православию как национальной церкви, сыгравшей огромную роль в истории и культуре России, особого статуса – «первой среди равных».

13 июля 1917 г. Предсоборный совет принял «Положения о правовом положении Православной церкви в России» для внесения в Учредительное собрание после обсуждения на Поместном соборе. Документ исходил из необходимости сохранения за Православной церковью как величайшей народной святыней и религией большинства населения привилегированного публично-правового положения среди прочих вероисповеданий. Объявлялась автономия церкви в ее внутренних делах, основные православные праздники получали статус государственных, глава Русского государства и министр исповеданий должны были исповедовать православие, а государство –

---

¹⁶ Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года. – С. 15.

¹⁷ Там же. – С. 16.

¹⁸ Любимов Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.): сборник / публикация М.И. Одинцова. – Москва: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. – С. 26.

¹⁹ Карташев А.В. Синод и Временное правительство // Русское слово. – 1917. – 20 апреля. – № 87. – С. 2–3.

²⁰ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – Москва: Московский рабочий, Всецерковное православное молодежное движение, 1994. – С. 269.

оказывать церкви материальную помощь²¹. Как отмечается в современной историографии, Православная церковь стремилась максимально ослабить административную зависимость церкви от государства, «сохранив одновременно все преимущества ее прежнего подведомственного состояния»²².

А.В. Карташев сыграл большую роль в разработке данного документа, именно ему принадлежит окончательная редакция ряда ключевых пунктов²³. Карташев видел в нем не систему отделения церкви от государства, а лишь такое «отдаление» их друг от друга, которое «давало бы и Церкви свободу, и государству позволяло быть светским, а не одностороннее конфессиональным»²⁴. Он полагал, что этот проект мог «несколько “клерикализироваться”» в ходе обсуждения духовенством на Поместном соборе, а затем «“секуляризироваться” в Учредительном собрании». В результате должна была сформироваться система «взаимной независимости соборной Церкви и правового государства при их моральном культурном сотрудничестве»²⁵.

В эмиграции А.В. Карташев отмечал, что политика Временного правительства в церковной сфере весной–летом 1917 г. во многом определялась движением клира и мирян на местах:

Чтобы избежать беспорядочного восстания низших слоев в церкви против высших, нужно было “канализировать” революцию в церкви, дать правильные законные формы для выражения общественного мнения²⁶.

Однако совпадение подходов Карташева с мнением широких кругов духовенства нельзя объяснить только его тактической линией. Еще в феврале 1916 г. на собрании религиозно-философского общества Карташев отвергал схемы отделения церкви от государства, защищаемые П.Н. Милюковым и М.Н. Туган-Барановским. Он полагал, что

полное, живое Православие в той же мере неистребимо теократично, в какой оно истинно церковно. Ибо теократия и Церковь – понятия неразлучные²⁷.

---

²¹ *Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. – С. 497.

²² *Соколов А.В.* Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. – С. 431.

²³ *Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов.* / под редакцией А.И. Мраморнова и др. – Москва: Новоспасский монастырь, 2012. – Т. 1 (Кн. 2). – С. 794–798.

²⁴ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 382.

²⁵ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 383.

²⁶ *Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. – С. 494.

Карташев призывал «дорожить теократическим началом, не смущаясь несовершенством, даже уродливостью его воплощений»²⁸.

В то же время А.В. Карташев полагал, что государство и церковь не должны сливаться на институциональном уровне, а потому поддержал крайне непопулярное в церковных кругах решение Временного правительства о передаче церковно-приходских школ в ведение министерства народного просвещения. Выступавший против данного решения В.Н. Львов отказался его поддержать и демонстративно не пошел на заседание правительства 20 июня 1917 г., на котором должны были принять данное постановление. Вместо себя он отправил А.В. Карташева (это было единственное заседание Временного правительства, на котором Карташев замещал Львова), который как официальный представитель Синода поддержал постановление о церковно-приходских школах²⁹. На этот шаг он пошел не по просьбе Львова, а исходя из своих убеждений в правильности данного решения. 11 октября 1917 г. он говорил делегатам Поместного собора, что церковно-приходские школы были созданы самодержавием, прежде всего, для идеологического укрепления своей власти. Поэтому просить Временное правительство сохранить прежнее отношение к этим школам «является делом безнадежным»³⁰. В эмиграции Карташев подчеркивал, что данный вопрос был «безвозвратно» решен русским общественным мнением как политический, а не религиозный:

Школы эти созданы были не в чисто церковных, а в политических целях, и не церковью, а государством и не на церковные, а на государственные ассигнования... светское внеконфессиональное правительство не могло впредь ассигновать очень крупные суммы на эти школы, предоставляя Церкви свободу создавать заново свои чисто церковные, без политических целей³¹.

В условиях политизации российского общества в революционном 1917 г. любой общественно-политический деятель серьезного уровня должен был заручиться поддержкой той или иной партии. Наиболее близкой для А.В. Карташева была кадетская партия, в рядах которой имелись сторонники

²⁷ *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение церкви. – Петроград: Корабль, 1916. – С. 15.

²⁸ *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение церкви. – С. 16.

²⁹ Журналы заседаний Временного правительства, март–октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2 / ответственный редактор Б.Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2002. – С. 299. (Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VIII.)

³⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5 / ответственные редакторы священник Алексей Колчерин, А.И. Мраморнов. – Москва: Новоспасский монастырь, 2015. – С. 461.

³¹ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 380.

его взглядов на церковно-государственные отношения – П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский и пр. Именно они, по всей видимости, и повлияли на его выбор. В июне 1917 г. Карташев вступил в кадетскую партию и стал членом ее ЦК, войдя в группу В.А. Маклакова, А.С. Изгоева, П.И. Новгородцева, которые возглавляли правое крыло партии³². В то же время его никак нельзя отнести к убежденным конституционным демократам³³. Характерно, что С.Н. Булгаков назвал А.В. Карташева, как П.И. Новгородцева и П.Б. Струве, «случайными» кадетами, которые «перерастают свой кадетизм»³⁴.

До Февральской революции проблема церковно-государственных отношений в программе кадетской партии была представлена лишь в самом общем виде: после естественного декларирования свободы совести и вероисповедания говорилось: «Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки»³⁵. После революции этот общий принцип должен был получить конкретное воплощение. В июле 1917 г. А.В. Карташев, С.А. Котляревский и П.И. Новгородцев подготовили предложения по изменению кадетской программы по церковному вопросу, опиравшиеся на позицию Предсоборного совета. 26 июля Новгородцев выступил с этими идеями на IX съезде Партии народной свободы, подчеркнув, что они опираются на мнение церковных кругов и некоторых членов партии. Он говорил, что государство должно следовать принципу «свободного самоустроения Церкви на начале соборности и независимости от государственной опеки». Новгородцев предложил включить в программу партии следующие положения: отношение государства к Православной церкви и к другим вероисповеданиям «должно определяться последовательно проведенным началом свободы вероисповедания и культа»; православие как исповедание большинства населения должно занять в России первенствующее

---

³² О политической деятельности А.В. Карташева в рядах кадетской партии в 1917 г., включая версию о его участии в заговоре генерала Л.Г. Корнилова, см.: *Егоров А.Н.* Кадеты и выступление генерала Л.Г. Корнилова: дискуссионные проблемы историографии // *Вопросы истории.* – 2005. – № 8. – С. 157–166; *Егоров А.Н.* Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли угнаться за катастрофическим ходом событий...» // *Российский либерализм: идеи и люди: сборник статей / 2 изд., испр. и доп., под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы.* – Москва: Новое издательство, 2007. – С. 831–842.

³³ Об этом говорит его политическая эволюция в годы Гражданской войны. См.: *Егоров А.Н.* «Демократ по недоразумению»: политическая деятельность А.В. Карташева в годы Гражданской войны // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 929–973.

³⁴ *Булгаков С.Н.* Христианский социализм: сборник / редактор-составитель В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. – С. 300.

³⁵ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / ответственный составитель В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова. – Москва: РОССПЭН, 1995. – С. 327.

положение; Православная церковь признается институтом публично-правового характера, которому «государство оказывает покровительство и материальную поддержку»; Православная церковь пользуется правом «самоустроения согласно учению самой Церкви и по постановлению Всероссийского Поместного Собора»; все узаконения, ставящие высшее церковное управление в положение подчиненного органа государственного управления и придающие ему характер ведомства, отменяются; надзор государственной власти ограничивается лишь наблюдением за законностью актов церкви; для этого, а также для осуществления государственной поддержки и покровительства религиозным организациям учреждается должность министра исповеданий; с духовенства снимаются «обязанности по ведению всяких актов гражданского состояния»³⁶. Единственное различие между докладом Новгородцева и мнением Предсоборного совета заключалось в отсутствии в докладе требования к главе Российского государства и министру исповеданий исповедовать православие.

Доклад П.И. Новгородцева вызвал дискуссии на съезде. Отдельные кадеты увидели в нем отступление от принципа отделения церкви от государства, объявленного партией в момент своего образования³⁷. Однако большинство поддержало доклад, основные положения которого вошли в измененную партийную программу. В историографии это объясняется тактическими задачами кадетской партии – попыткой заключить внешний союз с церковью, учитывая политическую ситуацию³⁸. А.В. Карташев оценил новую церковную программу ПНС как «совпадение либеральной политической мысли с законопроектом церковных кругов»³⁹.

Буквально накануне доклада П.И. Новгородцева на кадетском съезде А.В. Карташев занял должность обер-прокурора Святейшего Синода. В связи с этим решения IX съезда ПНС пришлось как нельзя кстати: они позволили Карташеву в своей церковной политике опираться на официально провозглашенные установки ПНС.

25 июля 1917 г. при формировании второго коалиционного Временного правительства министр-председатель А.Ф. Керенский назначил А.В. Карташева вместо В.Н. Львова новым обер-прокурором Святейшего Синода. Причины этой замены заключались как в неприятии Львова новым составом Временного правительства, так и в личных связях Керенского и Карташева. Первый состав

³⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. – Москва: РОССПЭН, 2000. – С. 705.

³⁷ Там же. – С. 706.

³⁸ Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. – С. 439.

³⁹ Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь. – С. 381.

Временного правительства воспринимал Львова как своего соратника – депутата III и IV Государственных дум, члена бюро Прогрессивного блока. Во втором составе Временного правительства он выглядел уже чужеродным элементом – как помещик, бывший октябрист и националист он казался слишком правым социалистической части правительства, а его властный характер с диктаторскими замашками явно не способствовал выработке компромиссных решений.

Член ЦК кадетской партии, входящей в правительственную коалицию, склонный к компромиссным решениям А.В. Карташев, очевидно, больше подходил к работе в правительстве, сделавшем политический компромисс одним из своих принципов. А.Ф. Керенский писал в эмиграции, что предстоящий Поместный собор требовал от Обер-прокурора «особого такта и деликатности, а также глубокого знания истории церкви. Нам казалось, что на такой пост более подходит видный член Петербургской академии А.В. Карташев, который и получил это назначение»⁴⁰. По всей видимости, определенную роль сыграла и дружба Карташева с Керенским в дореволюционные годы.

Возможно, одна из причин назначения А.В. Карташева кроется в его масонстве. Время его вступления в организацию вольных каменщиков точно установить пока не представляется возможным, но известно, что к 1916 г. он был одним из руководителей столичных масонов. Например, когда летом 1916 г. состоялся последний масонский конвент в России, Антон Владимирович был одним из 11 делегатов от столицы⁴¹. Накануне Февральской революции он входил в три столичные ложи – в «Литературную», в ложу Мережковского и в ложу Верховного Совета Великого Востока народов России⁴². В то же время, нет никаких оснований преувеличивать роль масонских связей Карташева – безусловно, его деятельность в 1917 г. определялась политическими и мировоззренческими взглядами, а не некими масонскими установками. Немаловажную роль в приглашении Карташева в правительство сыграла и его прежняя общественная деятельность, а также благожелательное отношение к нему православного духовенства.

В правительстве А.В. Карташев выступил с инициативой упразднения должности обер-прокурора как пережитка времен цезаре-папизма и предложил создать Министерство исповеданий для разработки законов, касающихся

---

⁴⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. – Москва: Республика, 1993. – С. 238.

⁴¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / редактор-составитель Ю. Фельштинский. – [Москва]: ТЕРРА, 1990. – С. 67.

⁴² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. – Москва: РОССПЭН, 2001. – С. 380–381.

церкви и урегулирования взаимоотношений всех религиозных конфессий и государства. 29 июля 1917 г. Юридическое совещание не решилось утвердить проект Карташева о создании Министерства исповеданий ввиду его явного несоответствия курсу на отделение церкви от государства и передало его на доработку барону Б.Э. Нольде⁴³, который буквально через два дня представил на рассмотрение совещания доработанный проект (А.В. Карташев оценил его как «сжатый и дельный»⁴⁴). Обсуждение на Юридическом совещании данного документа показывает столкновение различных позиций, закончившееся компромиссным вариантом. С одной стороны, декларировалась недопустимость признания «одного какого-либо вероисповедания господствующим»⁴⁵, с другой – в постановляющей части констатировалась необходимость для министра исповеданий и его товарищей принадлежать к «православному исповеданию»⁴⁶. Государство должно было отказаться от опеки над всеми церквями и вероисповеданиями, дав им право самостоятельно решать вопросы своего внутреннего устройства без санкции «со стороны государственной власти»⁴⁷, но в то же время министр исповеданий должен был получить права и обязанности «ныне принадлежащие обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода и министру внутренних дел, по принадлежности»⁴⁸. Компромиссность постановления подчеркивалась его временным характером – до решений Всероссийского Поместного собора и Учредительного собрания.

5 августа 1917 г. на заседании Временного правительства по представлению председателя Юридического совещания Н.И. Лазаревского был принят законопроект об учреждении Министерства исповеданий. Временное правительство согласилось с предложением А.В. Карташева о том, что министр и его заместители должны исповедовать православие. Этим подчеркивалась особая «государствообразующая» роль Православной церкви в России. Должность обер-прокурора Святейшего Синода упразднялась, а министру исповеданий временно – до принятия государственной властью нового закона о

---

⁴³ Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года: в 2 т. / ответственный редактор Б.Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2019. – Т. 2. – С. 125. (Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. XIII.)

⁴⁴ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 384.

⁴⁵ Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года. – Т. 2. – С. 126.

⁴⁶ Там же. – С. 134.

⁴⁷ Там же. – С. 126.

⁴⁸ Там же. – С. 134.

положении Православной церкви в стране – передавались его права и обязанности⁴⁹.

Ликвидация обер-прокуратуры имела и серьезное моральное значение. Карташев впоследствии писал:

Неприлично было, в виду приближающегося срока открытия Собора, сохранять старую должность и старое имя «обер-прокурора» – символа 200-летнего «пленения» Церкви государством⁵⁰.

В качестве обер-прокурора, а затем министра исповеданий А.В. Карташев много сделал для открытия Поместного собора Русской церкви. Он полагал, что Русская церковь на Поместном соборе должна подготовить собственные «правила», которые потом, возможно с некоторыми доработками, утвердит Временное правительство. Такой порядок юридически обеспечивал проведение последовательного демонтажа системы церковного управления, созданной Духовным регламентом Петра I, и передачу власти в церкви новым органам, сформированным Поместным собором. Получая от правительства разрешение на введение в действие собственного устава, церковь обретала самостоятельность и прекращала быть государственным ведомством.

15 августа 1917 г. в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Москве открылся первый полноценный Поместный собор за 217 лет. От Временного правительства на открытии присутствовали А.Ф. Керенский и А.В. Карташев. 16 августа 1917 г. Антон Владимирович от имени правительства приветствовал открывшийся Собор: «Временное правительство поручило мне заявить Освященному собору, что оно гордо сознанием видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой». Он говорил, что Временное правительство видит в настоящем соборе не обычный съезд частного общества, а «полномочный орган церковного законодательства», который должен разработать и передать Временному правительству законопроекты об отношениях церкви и государства⁵¹. Как министр Карташев заявил, что контроль министерства над церковью будет минимальным, но до выработки новых отношений церкви и государства будет сохранен Синод (без должности обер-прокурора), в ведении которого останутся все дела внутреннего церковного управления. Многие современники восприняли эту речь как

---

⁴⁹ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года: в 4 т. / ответственный редактор Б.Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2004. – Т. 3. – С. 253. (Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. IX.)

⁵⁰ *Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. – С. 497.

⁵¹ Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов. – С. 221.

государственную декларацию по отношению к Православной российской церкви.

В то же время нашлись и критики подхода А.В. Карташева к решению проблем взаимоотношения церкви и государства. Выступивший на Соборе профессор С.Н. Булгаков с возмущением говорил о планах правительства:

Собор вырабатывает законы, которые он вносит на уважение Временного правительства. Следовательно, правительство может уважить, а может и совершенно не уважить соборных постановлений... Это последнее слово извращенной практики⁵².

Впрочем, реальная практика показала «уважение» Карташевым решений Поместного собора.

А.В. Карташев стал в глазах общественного мнения как бы одним из символов Поместного собора. Осип Мандельштам посвятил ему одно из своих стихотворений той поры («Среди священников левитом молодым...»⁵³). Впечатления же самого А.В. Карташева о Соборе были далеко не самыми лучшими. В августе 1917 г. на заседании ЦК кадетской партии он говорил, что решения Собора «бледны и вялы, отдают большим провинциализмом», преобладание мирян вызывает общее недовольство, епископы молчат, никто не знает как реагировать на разруху в армии. В итоге,

руководимый учеными богословами, Собор, по-видимому, не примет резких решений и ложных шагов... Но всероссийского сознания даже в это исключительное время в Соборе не чувствуется и кажется, что если бы его выступления были правее и ошибочнее, но искреннее, все же было бы лучше⁵⁴.

Активное участие в работе Временного правительства не дало возможности Карташеву принимать постоянное участие в работе Поместного собора.

6 сентября 1917 г. А.В. Карташев в специальной записке Временному правительству обосновал свое видение церковно-государственных отношений. Предполагалось предоставить всем вероисповеданиям автономию внутреннего

---

⁵² Цит. по: *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). – С. 82.

⁵³ *Мандельштам О.Э.* А.В. Карташеву («Среди священников левитом молодым...») / О.Э. Мандельштам. Сочинения: в 2 т. / составитель П.М. Нерлера. – Москва: Художественная литература, 1990. – Т. 1. – С. 117.

⁵⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 3 / ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: Прогресс–Академия, 1998. – С. 396.

управления, сохранив за государством «известную долю участия в делах церковных»⁵⁵. Степень этого «участия» понималась Карташевым довольно широко. Так, в министерстве предполагалось сформировать инспекторский отдел, который должен был специализироваться на делах «лиц, занимающих официальное положение в русской и грузинской церквях». При этом «служащие в православной церкви лица будут нуждаться в утверждении их в должности или в согласии на их назначение и увольнение со стороны государственной власти»⁵⁶. Планировалось создать финансовый отдел, который должен был обсуждать вопросы государственной поддержки русской и грузинской православным церквям и решать церковные хозяйственные дела, подлежащие компетенции государственной власти⁵⁷. Карташев полагал, что церковная автономия не освобождает государственные власти от контроля «за закономерностью действий церковных властей, а в некоторых случаях и вмешательства в действия этих властей»⁵⁸. Понятно, что, контролируя церковные кадры и предоставляя ассигнования, государство сохраняло за собой серьезные механизмы воздействия на церковь.

6 сентября 1917 г. исполняющий обязанности министра народного просвещения С.С. Салазкин без согласования с А.В. Карташевым внес законопроект, по которому Закон Божий переставал быть обязательным предметом в школьном обучении. Временное правительство передало этот документ на рассмотрение Юридическому совещанию⁵⁹. А.В. Карташев был возмущен тем, что данный законопроект, напрямую затрагивавший интересы церкви, обсуждался без министра исповеданий, и высказал мнение, что в этом вопросе необходимо учитывать позицию Поместного собора⁶⁰. 23 сентября 1917 г. на заседании Собора архиепископ Тамбовский Кирилл говорил:

За Законом Божиим необходимо сохранить господствующее положение в школе. Это точка зрения 115 миллионов православного русского народа, от лица которого говорит Собор⁶¹.

⁵⁵ По проекту штатов министерства исповеданий // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 14. – Д. 640. – Л. 7.

⁵⁶ Там же. – Л. 9.

⁵⁷ Там же. – Л. 10.

⁵⁸ Там же. – Л. 14.

⁵⁹ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года: в 4 т. / ответственный редактор Б.Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2004. – Т. 4. – С. 154. (Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. X.)

⁶⁰ При этом сам А.В. Карташев склонялся к добровольному изучению Закона Божия в школе (*Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. – С. 496).

⁶¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. – С. 255.

После этого Собор принял обращение к Временному правительству с просьбой сохранить Закон Божий в качестве обязательного школьного предмета для православных учеников.

2 октября 1917 г. А.В. Карташев сообщил А.Ф. Керенскому о решении Поместного собора сохранить обязательное преподавание Закона Божия и попросил «не издавать по сему предмету никаких законодательных постановлений... до получения соответственных постановлений Собора»⁶². Временное правительство выразило готовность к компромиссу по этому вопросу и законопроект С.С. Салазкина был возвращен в Министерство народного просвещения. 11 октября 1917 г. Карташев заверил делегатов Поместного собора, что пожелания церкви по этому вопросу «будут приняты к должному соображению, когда вырабатываемый Государственным комитетом законопроект поступит на рассмотрение правительства»⁶³.

После создания министерства исповеданий А.В. Карташев практически устранился от руководства Православной церковью, предоставив Поместному собору самому решать ключевые проблемы. Богослов и священник В.В. Зеньковский (министр исповеданий в правительстве П.П. Скоропадского) назвал такой политический курс Карташева позицией «пассивного покровительства» церкви⁶⁴. Считая его неправильным, он вспоминал, что целый ряд священников осуждали политику министра исповеданий, «который совершенно ступежался перед Всероссийским Собором, забыв, что духовенство не умело и не умеет вести церковную жизнь». Эти священники, поддерживая теорию свободы церкви, указывали, «что сейчас, после снятия многовековой опеки государства, сделать церковь совершенно свободной – значит преступно оставить “без призора” церковь, которую так долго держали в плену, а теперь хотят оставить в полной свободе, т. е. небрежении»⁶⁵. Зеньковский считал отношение министра исповеданий к «факту соборности» чисто формальным, что проявилось «в полной пассивности Карташева как всероссийского министра исповеданий»⁶⁶.

⁶² Конфессиональная политика Временного правительства России. – С. 232.

⁶³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. – С. 462.

⁶⁴ Воспоминания В.В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вероисповеданий в составе правительства гетмана П.П. Скоропадского // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: сборник документов / ответственный редактор О.К. Иванцова. – Москва: РОССПЭН, 2014. – С. 350.

⁶⁵ Там же. – С. 255.

⁶⁶ Воспоминания В.В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вероисповеданий в составе правительства гетмана П.П. Скоропадского. – С. 293.

В небольшой период работы министерства исповеданий А.В. Карташев стремился устранить от церковного администрирования, отстаивал в правительстве интересы духовного ведомства и поддерживал ряд предложений Поместного собора. Карташев приступил к реализации юридического оформления системы многоконфессионального государства, последовательно отстаивал интересы Православной церкви перед другими министерствами и ведомствами. Он все больше отходил от доктринальных установок Временного правительства об отделении церкви от государства, все больше склонялся к усилению влияния церкви в жизни общества, усматривая в ее деятельности залог духовного спасения России. Недаром в 1920 г. на следствии в ВЧК его соратник С.А. Котляревский констатировал: «Карташев заявил себя противником отделения церкви от государства в России, по крайней мере, в настоящее время...»⁶⁷

Готовность А.В. Карташева как министра исповеданий к политическому диалогу с Православной российской церковью, его компромиссная политика, несомненно, смягчали в целом негативное отношение церковных кругов к деятельности Временного правительства. Митрополит Анастасий (Грибановский), упрекая Временное правительство в непоследовательной политике по отношению к церкви, подчеркивал, что его упреки не относятся к Карташеву, который «несомненно, искренне содействовал каноническому обновлению нашего церковного строя»⁶⁸. Приход к власти большевиков прервал курс Карташева на сотрудничество Православной церкви и государства.

Заключение

Изучение политической деятельности А.В. Карташева показывает, что его взгляды на церковно-государственные отношения и предлагаемые им меры по их реформированию явно не соответствовали представлениям об отделении церкви от государства, сложившимся в либеральных и социалистических кругах. Именно в этом заключается важнейшая причина несоответствия деклараций Временного правительства его мероприятиям, проводившимся в церковной сфере. Отсюда возникает естественный вопрос – почему А.В. Карташев получил определенную свободу в проведении своей

---

⁶⁷ Красная книга ВЧК: в 2 т. / научный редактор А.С. Велидова. – Москва: Политиздат, 1990. – Т. 2. – С. 147.

⁶⁸ Анастасий (Грибановский), митрополит. Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона. Характер его личности и деятельности // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 годов / составитель Н.А. Кривошеева. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. – С. 531.

конфессиональной политики, почему ни его личный друг А.Ф. Керенский, ни другие министры правительства, ни руководство кадетской партии, членом ЦК которой являлся министр исповеданий, не препятствовали ему делать то, с чем были не согласны?

По нашему мнению, данный парадокс объясняется тем, что ни Временное правительство, ни кадетская и эсеровская партии не относили проблемы церковно-государственных отношений к числу приоритетных, рассматривая их в контексте общих проблем демократического преобразования России и относя их окончательное решение к компетенции Учредительного собрания.

В бурной обстановке революционных потрясений 1917 г. ведущим политикам было просто не до церковных проблем. Так, министр внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев, подписывая акт о передаче Департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерство исповеданий, сказал А.В. Карташеву: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!», явно давая понять, что его самого это не интересует⁶⁹. П.Н. Милюков вспоминал, что когда в конце августа 1917 г. Карташев подал в отставку, церковными проблемами никто не хотел заниматься и на его место просто «не нашлось кандидата»⁷⁰. В октябре 1917 г. на заседании Поместного собора архиепископ Тамбовский Кирилл жаловался, что аудиенция делегации Собора у премьер-министра продолжалась всего 40 минут. Затем А.Ф. Керенский, его адъютанты и присутствовавшие при разговоре министры «начали обнаруживать признаки нетерпения и желания окончить дальнейший разговор»⁷¹. Присутствовавший на аудиенции член делегации Собора Н.Д. Кузнецов прямо говорил, что судьба церковно-приходских школ и вообще положение и деятельность Православной церкви

по-видимому, очень мало интересует главу нынешнего правительства и не обнаруживает у него достаточного понимания даже государственного значения этого дела. После нашей встречи с главой правительства сделалось ясно, что Временное правительство ко всему этому, по меньшей мере, равнодушно⁷².

⁶⁹ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 385.

⁷⁰ *Милюков П.Н.* История второй русской революции. – Москва: РОССПЭН, 2001. – С. 445.

⁷¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. – С. 468.

⁷² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. – Т. 5. – С. 470.

Безусловно, индифферентное отношение министров Временного правительства к церковным проблемам существенно помогло А.В. Карташеву проводить свой курс.

Взгляды А.В. Карташева на взаимоотношения государства и Православной российской церкви в 1917 г. получили признание в рядах кадетской партии и во Временном правительстве только в виде тактической программы действий, рассчитанной на текущий политический момент – до созыва Учредительного собрания. В наэлектризованной обстановке 1917 г. власти явно не хотели вступать в конфликт с церковью, становившийся неизбежным при той позиции, которую заняли епархиальные съезды весны 1917 г. и Предсоборный совет (именно поэтому А.Ф. Керенский по протесту Поместного собора отозвал законопроект об отмене обязательного преподавания Закона Божьего). Конфликт не нужен был и церкви, о чем говорит дистанцирование участников Поместного собора от выступления генерала Л.Г. Корнилова и отказ направить своих представителей в Предпарламент, где они неизбежно были бы вовлечены в политические дискуссии⁷³. В такой ситуации компромиссная политика А.В. Карташева полностью устраивала обе стороны. Взятие власти большевиками похоронило его идеи «не отделения, а сотрудничества церкви и государства»⁷⁴, но очевидно, что в случае иного развития событий, эти идеи могли бы прийти в столкновение с доктринальными установками социалистов и большинства либеральных политиков по созданию светского внеконфессионального государства.

⁷³ См.: *Карташев А.В.* Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней). – С. 486–513.

⁷⁴ *Карташев А.В.* Временное правительство и русская церковь. – С. 384.

Introduction

Anton V. Kartashev is well known as an outstanding theologian, thinker, and historian of the Russian Church.¹ However, his political activity as the last Chief Procurator of the Holy Synod and Minister of Confessions of the Provisional Government has been studied in much less detail. This fact is connected both with a short duration of his stay in power (he was the head of the Synod only for 12 days and Minister of Confessions for less than three months) and with the fact that the confessional policy of the Provisional Government is studied relatively well.² Given the variety of literature on the history of the church in 1917, historians thought it unnecessary to pay separate attention to the figure of Anton Kartashev, which is not surprising, for his role was noted in every serious work on the subject.³

The title of this article might seem paradoxical at first glance. Why would someone separate the confessional policy of the Provisional Government from the person who carried it out *ex officio*? However, such a separation is quite appropriate. Present-day historiography rightly points out that the position of the ministers of the Provisional Government towards the confessional policy of Anton Kartashev “looks quite strange, because the proposed reform was very far from their party slogan of

---

¹ A.V. Antoshchenko, “Historiographical review of studies of the life and work of A.V. Kartashev” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (181) (2019): 26–33.

² A.V. Sokolov, *The state and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918* [in Russian] (Doctoral diss., St Petersburg State University, 2014); K.V. Kovyrczin, *The Russian Orthodox Church and the search for the principles of church-state relations after the February Revolution* [in Russian] (PhD thesis, St. Tikhon’s Orthodox University of the Humanities, 2010); O.Yu. Red’kina, *Religious policy of the Provisional Government of Russia (February – October 1917)* [in Russian] (PhD thesis, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 1996); J. Smolitsch, “Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskanzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland),” *Ostkirche Studien*, no. 4 (1965): 3–34; et al.

³ P.G. Rogoznyi, *The Church Revolution of 1917 (Higher clergy of the Russian Church in the struggle for power in dioceses after the February Revolution)* [in Russian] (St Petersburg: Liki Rossii, 2008); D.V. Pospelovskii, *The Russian Orthodox Church in the 20th century* [in Russian] (Moscow: Respublika, 1995); A.N. Kashevarov, *The Russian Orthodox Church and the Soviet state (1917–1922)* [in Russian], Materials on the church history, bk. 35 (Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2005); S.L. Firsov, *The Russian Church on the eve of changes (the late 1890s – 1918)* [in Russian] (Moscow: Dukhovnaya biblioteka, 2002); G.M. Benigsen, Rev., “The year 1917 in the history of the Russian Church,” *St. Vladimir’s Seminary Quarterly*, no. 3 (1963): 115–25; J. Smolitsch, *Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917*, Bd. 2 (Berlin: [n. p.], 1991); G. Schulz, *Das Landeskanzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995); et al.

‘religion as a private matter for everyone’.⁴ Criticising the Orthodox Church’s demands for its “primacy over other confessions” in his émigré works, Pavel Milyukov emphasized that the Provisional Government “could not meet these demands.”⁵ However, a number of Kartashev’s steps were taken exactly in this direction. Recent studies of this subject state “a certain inconsistency in the confessional policy of the Provisional Government,” recognizing that “the proclaimed equality of confessions had not been established.”⁶

The paradoxical position is taken by church historiography. While sharply criticizing the Provisional Government for its confessional policy, it avoids any negative comments about the Minister of Confessions who pursued this policy.⁷ Moreover, church historiography sometimes contrasts Anton Kartashev with the Provisional Government and claims that the position of the Minister of Confessions fully reflected the interests of the church.⁸ Such assessments contradict the views of Kartashev himself, who defended and justified the government’s confessional policy in exile.⁹

Therefore, despite the extensive historiography on the problem of relations between the Russian Orthodox Church and the Provisional Government, some controversial questions are still not answered. In relation to confessional policy, researchers often regard the Provisional Government as a single entity. Perhaps, this is due to the nature of the extant sources. In the memoirs of the key figures of the Provisional Government (Pavel Milyukov, Alexander Kerenskii, Viktor Chernov, et al.), the issues related to the church in 1917 are almost completely absent, and the journals of the Provisional Government meetings (no minutes of the meetings or verbatim records were kept at that time) did not record any disagreements between the ministers. The reason for this was explained by Vladimir D. Nabokov, the administrator of the Provisional Government,

As for the judgments that were made during the sessions, it was immediately decided not to formally record them and also not to note any disagreements during

---

⁴ A.V. Sokolov, *The state and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918*, 442.

⁵ P.N. Milyukov, *Essays on the history of Russian culture* [in Russian], vol. 2, pt. 1 (Moscow: Progress, 1994), 206.

⁶ M.A. Babkin, comp., *Confessional policy of the Provisional Government of Russia: collection of documents* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2018), 38.

⁷ See V. Tsyplin, *History of the Russian Orthodox Church: synodal and contemporary periods (1700–2005)* [in Russian] (Moscow: Sretenskii monastery', 2006), 329–35.

⁸ G. Mitrofanov, Protoiereus, *History of the Russian Orthodox Church, 1900–1927* [in Russian] (St Petersburg: Satis", 2002), 88–90.

⁹ A.V. Kartashev, “The Provisional Government and the Russian Church” [in Russian], *Sovremennye zapiski*, Paris, no. 52, (1933): 369.

the voting and not to enter any special opinions in the journal, etc. The initial point was the desire to avoid anything that might disturb the unity of the government and its responsibility as a whole for every decision taken.¹⁰

Of course, such “judgments” and “special opinions” can be partially traced in the records and more informative materials of the Legal Meeting (its minutes and transcripts were also not kept), but scantily.

In addition, understanding the sensitivity of confessional issues, the members of the Provisional Government did not make their disagreements on such issues known to the press and did not intend to make any serious changes in this area, at least not until the Constituent Assembly was held. Therefore, not without reason, Prince Georgii E. Lvov, Head of the first Provisional Government, frankly confessed to Kartashev in the spring of 1917 that he was “afraid of any new creativity in this field, so as not to provoke any new defamatory information, already disseminated by the enemies, that the Provisional Government was ‘violating the church’.”¹¹

In such a situation, researchers assessed the confessional policy of the Provisional Government primarily on the basis of its declarations and statements about its policy, without giving much weight to the discrepancy between the declarations and the actions taken. This article examines Anton Kartashev’s opinion on church-state relations and the measures he proposed in order to reform them, which may explain the reasons for the inconsistency between the Provisional Government’s declarations and its activities in the church sphere.

Main body

During the February Revolution, a member of the State Duma Vladimir N. Lvov became Chief Procurator of the Holy Synod. He resolutely dismissed the bishops who had obtained their positions with the support of Rasputin or were considered his friends. He tried to fully control and to regulate the most important church affairs, which led to the inevitable conflict with the church hierarchs. Seeking to strengthen his position, Vladimir Lvov tried to find good assistants who had authority in religious circles. He turned his attention to Anton Kartashev, the chairman of the Religious-Philosophical Society of St Petersburg at that moment, who was well known for his articles on religious and church issues, in which he discussed ideas of renewing church life and reforming relationship between church and state.

On March 13, 1917, Kartashev sent a letter to the Provisional Government, outlining the concept of the Council of the Society on the question of relations

---

¹⁰ V.D. Nabokov, “The Provisional Government” [in Russian], in *The archive of the Russian Revolution*, vol. 1 (Berlin: Slovo, 1921), 33.

¹¹ Kartashev, “The Provisional Government and the Russian Church,” 378.

between the state and the Orthodox Church of Russia. The letter urged the new government to take a course toward the separation of church and state, as this was the only guarantee of “real freedom of religious conscience.” The state was seen as a republic, while the monarchical system led to the mixture of “the state and church ideologies.” It was proposed to remove “all the hierarchs who constituted the bulwark of autocracy” and to cancel the collegial bureaucratic form of church governance which had been introduced by Peter the Great. The letter by Kartashev criticized Chief Procurator’s inconsistent steps in the process of separation of church and state (i.e. the introduction of the “religious element” in the text of the new oath, etc.).¹²

These provisions suited both the head of the government Georgii Lvov and Vladimir Lvov. As a result, Kartashev was appointed Deputy Chief Procurator of the Synod on March 20, 1917. He saw the government’s task in helping the church in its transition “from a servile state to a free elective system.” To this end, it was planned to abolish the Chief Procurator’s Office and to establish in its place the Ministry of Confessions which would temporarily receive the former Chief Procurator’s powers in order to overcome the resistance of the episcopate which had not accepted the revolutionary changes in the country and was hostile to the principle of conciliarity. The newly appointed Minister of Confessions was to abolish the ecclesiastical administration established by the previous government and announce the election of a new ecclesiastical authority. In order to get prepared for the Local Council, it was proposed to form the “Provisional Holy Synod” (in parallel with the Provisional Government) by telegraphic voting of the Orthodox episcopate. Kartashev’s proposals did not find any support in the Provisional Government which was in no mood for a sharp break in the relationship between church and state.¹³

Anton Kartashev believed that the February Revolution freed the Orthodox Church from all “contractual ties” with the authorities. Consequently, the church had every right to declare a “surgical detachment” from the state. But it did not use this right “because of the inertia of its connection with the state and its proprietary and financial dependence on it” as well as because of the vagueness of the way the revolutionary events would unfold and because of loyalty to “all political regimes” characteristic of all Orthodox churches.¹⁴

After the February Revolution, a number of diocesan congresses took place throughout Russia. Their participants clearly expressed their views on the issue of the

---

¹² Babkin, *Confessional policy of the Provisional Government of Russia*, 178.

¹³ Kartashev, “The Provisional Government and the Russian Church,” 377.

¹⁴ A.V. Kartashev, “The Revolution and the Council of 1917–1918 (Notes for the history of the Russian Church of the present day)” [in Russian], in *The great church building: memoirs of the members of the Holy Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918*, comp. N.A. Krivosheeva (Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 2009), 487.

relationship between church and state. Russian priests supported complete autonomy of the church in its internal affairs and independence from secular authorities, but they were categorically against the complete separation of church and state. What justified this position were both the historical merits of the church in nation-building and the predominance of the Russian Orthodox population (about 70%) in the country. Without infringing on the rights of other churches and confessions, the Orthodox Church “should be the first among equals, so the head of state, whoever he may be, should be Orthodox.”¹⁵ The material issue was of essential importance in the position of the church. Fears were expressed that an immediate separation of church and state would undermine the financial position of the former, and in the future “the material support of the church by the state should be understood as a duty of the state in view of the spiritual educational work of the church.”¹⁶ The diocesan congresses showed the aversion of the clergy to the principle of the separation of church and state “based on already existing Western models.”¹⁷

In this regard, it is understandable that the confessional policy of the Provisional Government caused anxiety among the clergy. Not surprisingly, after the appointment of Anton Kartashev, the church hierarchs perceived him as a supporter of the separation of church and state and an “extreme leftist.”¹⁸ It was explained by his articles in the press which called for the elimination of the former church-state relations.¹⁹ But quite quickly the church authorities became convinced of his ability to reach compromises and take into account the views of the church. Metropolitan Evlogii (Georgievskii) wrote, “With Anton Kartashev, it was possible to come to an agreement.”²⁰

On June 12, 1917, the Pre-Council Committee which was assembled to prepare for the Local Council of the Orthodox Church began its work. It determined various points of view on the future form of church government. One of them was based on the idea of complete separation of church and state and the adoption of a synodal conciliar structure of church government. The other point of view, which was supported by Kartashev, recognized the principle of separation of church and state

---

¹⁵ “The Russian Orthodox Church and the February Revolution of 1917” [in Russian], publ. M.A. Babkin, *Voprosy istorii*, no. 5 (2004): 9.

¹⁶ Ibid., 15.

¹⁷ Ibid., 16.

¹⁸ N. Lyubimov, Protopresbyter, “Journal of the meetings of the newly formed Synod (April 12 – June 12, 1917)” [in Russian], in *The Russian Church during the Revolution (1917–1918): a collection*, publ. M.I. Odintsov (Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 1995), 26.

¹⁹ A.V. Kartashev, “The Synod and the Provisional Government” [in Russian], *Russkoe slovo*, no. 87, April 20, 1917, p. 2–3.

²⁰ Evlogii (Georgievskii), Metropolitan, *The path of my life: Memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievskii) retold by T. Manukhina according to his stories* [in Russian] (Moscow: Moskovskii rabochii, Vsetserkovnoe pravoslavnoe molodezhnoe dvizhenie, 1994), 269.

but advocated granting the Orthodox Church as the national church that had played an enormous role in Russian history and culture a special status of “the first among equals.”

On July 13, 1917, the Pre-Council Committee adopted the “Regulations on the Legal Status of the Orthodox Church in Russia” for submission to the Constituent Assembly after discussion at the Local Council. The document proceeded from the need to preserve for the Orthodox Church, the greatest national shrine and religion of the majority of the Russian population, a privileged public legal position among other religions and confessions in the country. The autonomy of the church in its internal affairs was declared; the main Orthodox holidays received the status of public ones; both the head of the Russian state and Minister of Confessions should profess Orthodoxy; the state was obliged to provide the church with material support.²¹ As noted in present-day historiography, the Orthodox Church sought to weaken the administrative dependence of the church on the state as much as possible, “while preserving all the advantages of its previous position under its jurisdiction.”²²

Anton Kartashev played an important role in the formulation of this document. It was Kartashev who prepared the final edition of a number of key points.²³ In this document, he saw not a system of separating church and state, but some kind of “distancing” them from each other, which “would give the Church its independence and would lead to the secular rather than unilaterally confessional state.”²⁴ He believed that this project could be “somewhat ‘clericalized’” during the discussion by the clergy at the Local Council and then “‘secularized’ in the Constituent Assembly.” As a result, a system of “mutual independence of the conciliar Church and the rule-of-law state with their moral cultural cooperation”²⁵ was to be formed.

In exile, Kartashev noted that the Provisional Government’s policy in relation to the church in the spring and summer of 1917 was largely determined by the local movement of clergy and laity:

In order to avoid a disorderly revolt of the lower classes in the church against the upper ones, it was necessary to “channel” the revolution in the church, to give proper legitimate forms for the expression of public opinion.²⁶

---

²¹ Kartashev, “The Revolution and the Holy Council of 1917–1918,” 497.

²² Sokolov, *The state and the Orthodox Church in Russia*, 431.

²³ A.I. Mramornov et al., eds., *Documents of the Holy Council of the Russian Orthodox Church, 1917–1918* [in Russian], vol. 1, bk. 2 (Moscow: Novospasskii Monastyr’, 2012), 794–98.

²⁴ Kartashev, “The Provisional Government and the Russian Church,” 382.

²⁵ *Ibid.*, 383.

²⁶ Kartashev, “The Revolution and the Holy Council of 1917–1918,” 494.

However, the coincidence of Kartashev's approaches with the views of wide circles of the clergy cannot be explained only by his tactical line. As early as in February 1916, during one of the meetings of the Religious-Philosophical Society of St Petersburg, Anton Kartashev rejected the schemes of separation of church and state which were advocated by Pavel Milyukov and Mikhail Tugan-Baranovskii. He believed that

full, living Orthodoxy is as ineradicably theocratic as it is truly ecclesiastical. For theocracy and the Church are inseparable concepts.²⁷

Kartashev urged to “cherish the theocratic principle without being embarrassed by the imperfection and even the ugliness of its incarnations.”²⁸

At the same time, Anton Kartashev believed that state and church should not merge at the institutional level and therefore supported the extremely unpopular with the clergy decision of the Provisional Government to transfer church-parochial schools to the jurisdiction of the Ministry of National Education. Vladimir Lvov, who strictly opposed that decision, refused to support it and ostentatiously did not go to the government meeting on June 20, 1917 when that decision was to be passed. Instead, he sent Kartashev (it was the only meeting of the Provisional Government where Kartashev replaced Lvov). Kartashev, the official representative of the Synod, supported the decree on the church-parochial schools.²⁹ He took this step not at the request of Lvov but out of his own conviction that this was the right decision. On October 11, 1917, he told the delegates to the Local Council that the church-parochial schools were created by the autocracy primarily to strengthen its own ideological power. Therefore, to ask the Provisional Government to maintain the same attitude to these schools “was a hopeless cause.”³⁰ Later in exile, Kartashev emphasized that this issue had been “irrevocably” resolved by Russian public opinion as a political, rather than religious one:

These schools were created not for purely religious but for political purposes, and not by the church but by the state, and not with church money but with state

---

²⁷ A.V. Kartashev, *Reform, reformation and the fulfilment of the church* [in Russian] (Petrograd: Korabl', 1916), 15.

²⁸ *Ibid.*, 16.

²⁹ B.F. Dodonov, ed., *Journals of the meetings of the Provisional Government, March–October 1917* [in Russian], vol. 2, *Archive of the contemporary history of Russia, Publications*, vol. VIII (Moscow: ROSSPEN, 2002), 299.

³⁰ Aleksii Kolcherin, Priest and A.I. Mramornov, eds., *Documents of the Holy Council of the Russian Orthodox Church, 1917–1918* [in Russian], vol. 5 (Moscow: Novospasskii monastery', 2015), 461.

money. . . the secular non-confessional government could no longer allocate very large sums for these schools, giving the Church the freedom to create its own purely religious schools without any political purposes.³¹

Under the conditions of the politicization of Russian society in 1917, any socio-political figure of a serious level had to enlist the support of a political party. The Constitutional Democratic Party (Kadets) was the party closest to Kartashev. Its ranks included supporters of his views on church-state relations, such as Pavel I. Novgorodtsev, Sergei A. Kotlyarevsky, and others. Most likely, it was these people who influenced his choice. In June 1917, Kartashev joined the ranks of the Kadets and became a member of the party's Central Committee, thus joining the group of Alexander S. Izgoev, Vasily A. Maklakov, and Pavel I. Novgorodtsev who headed the right wing of the party.³² At the same time, he could hardly be considered a convinced constitutional democrat.³³ Notably, Sergei Bulgakov called Kartashev, as well as Novgorodtsev and Peter Bergardovich Struve, "Kadets by accident" who "outgrew their kadetism."³⁴

Before the February Revolution, the problem of church-state relations in the program of the Constitutional Democratic Party was presented only in its most general form. After the expected declaration of freedom of conscience and religion, it was stated that "the Orthodox Church and other confessions must be freed from state tutelage."³⁵ After the revolution, this general principle was to receive a physical implementation. In July 1917, together with Kotlyarevsky and Novgorodtsev, Kartashev prepared proposals for changing the program of the Constitutional Democratic Party on the church question. The proposals were based on the position of the Pre- Council Committee. On July 26, Novgorodtsev voiced these ideas at the Ninth Congress of the People's Freedom Party, emphasizing that they were based on

---

³¹ Kartashev, "The Provisional Government and the Russian Church," 380.

³² On the political activity of Anton Kartashev in the ranks of the Constitutional Democratic Party in 1917, including the version about his participation in the conspiracy of General L.G. Kornilov, see A.N. Egorov, "Cadets and the speech of General L.G. Kornilov: controversial problems of historiography" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 8 (2005): 157–66; A.N. Egorov, "Anton Vladimirovich Kartashev: 'We were too much Hamlets and could not keep up with the catastrophic course of events...'" [in Russian], in *Russian liberalism: ideas and people: a collection of articles*, 2nd ed., ed. A.A. Kara-Murza (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007), 831–42.

³³ This can be concluded from his political evolution during the Russian Civil War. See A.N. Egorov, "'A democrat by mistake': political activity of Anton Kartashev during the Russian Civil War," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 929–73.

³⁴ S.N. Bulgakov, *Christian socialism: a collection* [in Russian], ed. V.N. Akulinin (Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie, 1991), 300.

³⁵ V.V. Kriven'kii and N.N. Tarasova, comps., *Programs of political parties in Russia. Late 19th – early 20th century* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1995), 327.

the views of the church circles and some party members. He said that the state should follow the principle of “free self-administration of the church based on the principles of synodality and independence from the state tutelage.” Novgorodtsev suggested that the program of the party should include the following provisions: the attitude of the state towards the Orthodox Church and other religions “should be determined by the consistently implemented principle of freedom of religion and worship”; Orthodoxy as a confession of the majority of the population should take a leading position in Russia; the Orthodox Church should be recognized as an institution of public law character, which “the state patronizes and financially supports”; the Orthodox Church should receive the right to “self-administration in accordance with the teachings of the Church itself and by the decree of the All-Russian Local Council”; all legalizations that place the highest church administration in the position of a subordinate body of state administration and give it the character of a department should be canceled; the supervision by state authority should be limited only to the supervision of the legality of the acts of the church; for this, as well as for the implementation of state support and patronage of religious organizations, the position of Minister of Confessions was established; and the clergy were relieved of their “obligations to maintain any acts of civil status.”³⁶ The only difference between Novgorodtsev’s report and the opinion of the Pre-Council Committee was that the report did not contain the requirement for the head of the Russian state and Minister of Confessions to profess Orthodoxy.

Novgorodtsev’s report provoked discussions at the congress. Some representatives of the Constitutional Democratic Party saw it as a deviation from the principle of separation of church and state which had been declared by the party at the moment of its formation.³⁷ However, the majority supported the report the main provisions of which were included in the amended program of the party. Historiography explains this by the tactical goals of the Constitutional Democratic Party and by its attempt to achieve an external alliance with the church, given the current political situation.³⁸ Anton Kartashev assessed the new church program of the People’s Freedom Party as “a coincidence of liberal political thought with the bill drafted by church circles.”³⁹

Shortly before Novgorodtsev delivered his report at the congress of the Constitutional Democratic Party, Kartashev took over the post of Chief Procurator of the Holy Synod. In this regard, the decisions of the Ninth Congress of the People’s

---

³⁶ *Congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party*, vol. 3, bk. 1, 1915–1917 [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2000), 705.

³⁷ *Ibid.*, 706.

³⁸ Sokolov, *The state and the Orthodox Church in Russia*, 439.

³⁹ Kartashev, “The Provisional Government and the Russian Church,” 381.

Freedom Party were quite opportune. They allowed Kartashev to rely in his church policy on the officially proclaimed guidelines of the People's Freedom Party.

On July 25, 1917, during the formation of the second Provisional Government, Minister-Chairman Alexander Kerenskii appointed Anton Kartashev to the position of the new Chief Procurator of the Holy Synod, which was previously occupied by Vladimir Lvov. The reasons for this replacement were both the rejection of Lvov by the new Provisional Government and the existing personal connections between Kerenskii and Kartashev. The first Provisional Government perceived Lvov as their comrade-in-arms, a deputy of the Third and Fourth State Dumas, and a member of the Bureau of the Progressive Bloc. In the second Provisional Government, he simply did not fit in. As a landowner, former Octobrist, and nationalist, he seemed too right-wing for the socialist part of the government, and his overbearing nature and dictatorial intent were clearly not conducive to the development of any compromises.

Kartashev, a member of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party which was part of the government coalition, was inclined to compromise and was obviously more suited to work in the government which had made political compromises one of its principles. Alexander Kerenskii wrote in exile that the forthcoming Local Council demanded from the Chief Procurator "special tact and sensitivity as well as deep knowledge of church history. It seemed to us that A. Kartashev, an eminent member of the St Petersburg Academy, was more suitable for such a post, which is why he was appointed for it."⁴⁰ Apparently, Kartashev's friendship with Kerenskii in the pre-revolutionary years also played a certain role in this appointment.

Perhaps, one of the reasons for the appointment of Anton Kartashev might be connected with his Freemasonry. The exact time when he joined the organization of Freemasons is not yet possible to determine, but it is known that by 1916 he had become one of the leaders of the metropolitan Freemasons. For example, when the last Masonic Convention in Russia was held in the summer of 1916, Anton Kartashev was one of the eleven delegates from the capital.⁴¹ On the eve of the February Revolution, he was a member of three metropolitan masonic lodges, namely the Literary Lodge, the Lodge of Merezhkovskii, and the Lodge of the Supreme Council of the Great East of Russia's Peoples.⁴² At the same time, there is no reason to exaggerate the role of Kartashev's connection to Freemasonry. There is no doubt that his activity in 1917 was determined by his political and ideological views rather than

---

⁴⁰ A.F. Kerenskii, *Russia and history's turning point. Memoirs* [in Russian] (Moscow: Respublika, 1993), 238.

⁴¹ B.I. Nikolaevskii, *Russian freemasons and the revolution* [in Russian], ed. Yu. Fel'shtinskii ([Moscow]: TERRA, 1990), 67.

⁴² A.I. Serkov, *Russian Freemasonry. 1731–2000: encyclopaedic dictionary* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2001), 380–381.

some masonic principles. Kartashev's previous public activities and sympathetic attitude of the Orthodox clergy towards him also played an important role when he was invited into the government.

In the government, Kartashev proposed the abolition of the post of Chief Procurator as a relic of Caesarean papism and proposed to establish the Ministry of Confessions which would develop laws concerning the church and regulate the relations of all religious denominations and the state. On July 29, 1917 the Legal Conference did not dare to approve Kartashev's draft proposal on the establishment of the Ministry of Confessions in view of its apparent discrepancy with the course of separation of church and state. The draft was sent to Baron Boris Nolde,⁴³ who submitted a revised draft to the meeting in two days (Kartashev called it "concise and rational"⁴⁴). The discussion of this document at the Legal Meeting reveals the clash of different opinions which ended in a compromise. On the one hand, to recognize "any specific religion as dominating" was proclaimed inappropriate.⁴⁵ On the other hand, the regulation stated that both Minister of Confessions and all his associates should belong to the "Orthodox confession."⁴⁶ The state had to give up state tutelage over all churches and confessions, giving them the right to define their own internal organization without the sanction "on the part of state authority."⁴⁷ But at the same time, Minister of Confessions was to receive the rights and duties "which belonged to Chief Procurator of the Holy Governing Synod and the Minister of Internal Affairs, according to their affiliation."⁴⁸ The compromise nature of the decree was emphasized by the fact that it was temporary. It was to remain valid until the decisions of the All-Russian Local Council and the Constituent Assembly.

At the meeting of the Provisional Government on August 5, 1917, on the proposal of Nikolai Lazarevskii, the chairman of the Legal Council, a bill was passed to establish the Ministry of Confessions. The Provisional Government agreed with the proposal of Anton Kartashev that both Minister of Confessions and his deputies should profess Orthodoxy. This emphasized the special "state-forming" role of the Orthodox Church in Russia. The position of Chief Procurator of the Holy Synod was abolished, and the new Minister of Confessions received all its rights and duties

---

⁴³ B.F. Dodonov, ed., *Records of the proceedings of the meetings of the Legal Conference under the Provisional Government. March–October 1917* [in Russian], vol. 2, Archive of the contemporary history of Russia, Publications, vol. XIII (Moscow: ROSSPEN, 2019), 125.

⁴⁴ Kartashev, "The Provisional Government and the Russian Church," 384.

⁴⁵ Dodonov, *Records of the proceedings of the meetings of the Legal Conference*, vol. 2, 126.

⁴⁶ *Ibid.*, 134.

⁴⁷ *Ibid.*, 126.

⁴⁸ *Ibid.*, 134.

temporarily, until state authority adopted a new law on the status of the Orthodox Church in the country.⁴⁹

The liquidation of the Chief Procurator's Office was of moral significance as well. Kartashev later wrote:

In view of the approaching date of the opening of the Local Council, it was inappropriate to retain the old position and the old name of Chief Procurator, which was a symbol of the 200-year-long "captivity" of the church by the state.⁵⁰

As Chief Procurator and later as Minister of Confessions, Kartashev did a lot to open the Local Council of the Russian Church. He believed that the Russian Church itself should develop and present its own "rules" at the Local Council. Then, with some modifications perhaps, these rules would be approved by the Provisional Government. Such order of things legally ensured the gradual dismantling of the existing system of church management which had been established by the Spiritual Regulations of Peter the Great and the transfer of power in the church to the new bodies to be formed by the Local Council. By obtaining permission from the government to enact its own statute, the church gained independence and ceased to be a government agency.

On August 15, 1917, on the day of the Dormition of the Mother of God, after 217 years, the first full-fledged Local Council was opened in Moscow. Alexander Kerenskii and Anton Kartashev were present at the opening ceremony on behalf of the Provisional Government. On August 16, 1917, Kartashev addressed the Council on behalf of the government, "The Provisional Government has instructed me to declare to the Consecrated Council that it is proud to witness the opening of this church celebration under its shadow and protection." He said that the Provisional Government did not see this Local Council as an ordinary convention of private society but saw it as "an authorized body of church legislation" which was to develop and transmit to the Provisional Government its own bills on church-state relations.⁵¹ As Minister of Confessions, Kartashev stated that the Ministry's control over the church would be minimal, but the Synod (without the position of Chief Procurator) would remain in charge of all matters of internal church administration until a new relationship between church and state was determined. Many contemporaries perceived this speech as a state declaration regarding the Russian Orthodox Church.

---

⁴⁹ B.F. Dodonov, ed., *Journals of the meetings of the Provisional Government, March–October 1917* [in Russian], vol. 4, Archive of the contemporary history of Russia, Publications, vol. IX (Moscow: ROSSPEN, 2014), 253.

⁵⁰ Kartashev, "The Revolution and the Holy Council of 1917–1918," 497.

⁵¹ Babkin, *Confessional policy of the Provisional Government of Russia: collection of documents*, 221.

At the same time, there were those who criticised Anton Kartashev's approach to solving the problems of church-state relations. For example, Professor Sergei Bulgakov, who also gave a speech at the Council, was indignant about the plans of the government:

The Council develops laws, which it submits to the Provisional Government for enactment. Consequently, the government may or may not enact the Council's decrees at all . . . This is the last word of a perverted practice.⁵²

However, the actual practice showed that Kartashev respected the decisions of the Local Council.

For the public, Anton Kartashev became one of the symbols of the Local Council. Osip Mandelstam even devoted one of his poems of that time to him ("Sredi svyashchennikov levitom molodym. . ." [A young Levite among the priests. . .])⁵³. However, Kartashev's own impressions of the Local Council were hardly the best. At a meeting of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party in August 1917, he said that the decisions of the Council "were pale and sluggish and smacked of provincialism," the domination of the laity aroused general discontent, bishops were silent, and no one knew how to respond to the devastation in the army. As a result,

led by well-educated theologians, the Council, apparently, will not take dramatic decisions and faux pas. . . But the all-Russian consciousness is not felt in the Council even at this exceptional time, and it seems that if its statements were even more right-wing and more erroneous but at the same time more sincere, it would still be better.⁵⁴

Active participation in the Provisional Government did not allow Kartashev to take constant part in the work of the Local Council.

On September 6, 1917, in a special note to the Provisional Government, Kartashev explained his vision of new church-state relations. It was intended to provide all religions and confessions with autonomy in internal administration, while

---

⁵² Cited in Kashevarov, *The Russian Orthodox Church and the Soviet state (1917–1922)*, 82.

⁵³ O.E. Mandel'shtam, "To A.V. Kartashev" ("A young Levite among the priests. . .") [in Russian], in O.E. Mandelstam, *Works*, 2 vols., comp. P. Nerler, vol. 1 (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990), 117.

⁵⁴ V.V. Shelokhaev, ed., *Minutes of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party* [in Russian], 6 vols., vol. 3 (Moscow: Progress-Akademiya, 1998), 396.

preserving “a certain degree of participation in church affairs”⁵⁵ for the state. The degree of this “participation” was understood by Kartashev rather broadly. For instance, it was supposed that an inspectorate should be formed at the Ministry of Confessions. The inspectorate should specialize in affairs of “persons occupying an official position in the Russian and Georgian churches.” At the same time, “the officials of the Orthodox Church would need to get an approval of their appointment or permission to their employment or dismissal from state authority.”⁵⁶ There were plans to establish a financial department, which was to discuss the issues of state support for the Russian and Georgian Orthodox churches and to settle the church economic matters which were within the competence of state authority.⁵⁷ Kartashev believed that church autonomy did not relieve the state from controlling “the appropriateness of the actions of church authorities and, in some cases, even from interference in the actions of those authorities.”⁵⁸ It is clear that by controlling church personnel and providing allocations, the state retained serious mechanisms of influence on the church.

On September 6, 1917, without the approval of Kartashev, Sergei Salazkin, acting Minister of Education at that moment, introduced the bill which made Scripture lessons no longer obligatory for school education. The Provisional Government passed on this document to the Legal Meeting.⁵⁹ Kartashev was outraged that the discussion of this bill, which directly affected the interests of the church, did not involve Minister of Confessions. He expressed an opinion that the position of the Local Council on this issue should also be taken into consideration.⁶⁰ At the meeting of the Council on September 23, 1917, Archbishop Kirill of Tambov said,

Scripture lessons must retain their predominant position at school. This is the point of view of 115 million Orthodox people of Russia, on behalf of whom the Council speaks.⁶¹

---

⁵⁵ “Po proektu shtatov ministerstva ispovedanii” [On the project of the staff list of the Ministry of Confessions]. F. 1276, op. 14, d. 640, l. 7. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

⁵⁶ Ibid., l. 9.

⁵⁷ Ibid., l. 10.

⁵⁸ Ibid., l. 14.

⁵⁹ B.F. Dodonov, ed., *Journals of the meetings of the Provisional Government, March–October 1917* [in Russian], vol. 4, Archive of the contemporary history of Russia, Publications, vol. X (Moscow: ROSSPEN, 2004), 154.

⁶⁰ At the same time, Kartashev himself supported the voluntary study of Scripture at schools (See Kartashev, “The Revolution and the Holy Council of 1917–1918,” 496).

⁶¹ Kolcherin and Mramornov, *Documents of the Holy Council of the Russian Orthodox Church*, vol. 5, 255.

After that, the Council adopted an appeal to the Provisional Government to preserve Scripture as an obligatory school subject for all Orthodox pupils.

On October 2, 1917, Kartashev informed Kerenskii about the decision of the Local Council to preserve the obligatory Scripture lessons at schools and asked “not to issue any legislative decisions on the subject. . . until the relevant decisions of the Council were made.”⁶² The Provisional Government expressed readiness to compromise on this issue and Salazkin’s bill was returned to the Ministry of National Education. On October 11, 1917, Kartashev assured the delegates to the Local Council that the wishes of the church regarding this issue “would be taken into due consideration as soon as the bill which was being developed by the State Committee was submitted to the government for consideration.”⁶³

After the establishment of the Ministry of Confessions, Anton Kartashev distanced himself from the management of the Orthodox Church, leaving it to the Local Council to make decisions on the key issues. V. Zenkovsky (a theologian and priest, Minister of Religions in the government of Hetman P. Skoropadsky) referred to this political course of Kartashev as a position of “passive patronage” of the church.⁶⁴ Considering it wrong, he recalled that a number of priests condemned the policy of Minister of Confessions “who got embarrassed in front of the All-Russian Council, having forgotten that the clergy did not and does not know how to organize church life.” The priests who supported the theory of church independence pointed out the following: “To make the church completely independent now, after centuries-long state tutelage, means to leave it ‘without any supervision.’ To make the church, which the state had held captive for so long, completely free actually means to neglect it.”⁶⁵ Zenkovsky considered the attitude of Minister of Confessions to the ‘fact of sobornost’ as purely formal, which manifested itself “in the complete passivity of Kartashev as the All-Russian Minister of Confessions.”⁶⁶

During the short period of work of the Ministry of Confessions, Anton Kartashev sought to remove himself from church administration, defended the interests of the ecclesiastical department in the government and supported a number of proposals of the Local Council. Kartashev began legal implementation of a multi-confessional state and consistently defended the interests of the Orthodox Church in front of other ministries and departments. He was stepping aside from the Provisional

---

⁶² Babkin, *Confessional policy of the Provisional Government of Russia*, 232.

⁶³ Kolcherin and Mramornov, *Documents of the Holy Council of the Russian Orthodox Church*, vol. 5, 462.

⁶⁴ “Memories of V.V. Zenkovsky about his tenure as Minister of Religions in the government of Hetman P.P. Skoropadsky” [in Russian], in O.K. Ivantsova, ed., *Hetman P.P. Skoropadsky. Ukraine at a turning point. 1918: a collection of documents* (Moscow: ROSSPEN, 2014), 350.

⁶⁵ *Ibid.*, 255.

⁶⁶ *Ibid.*, 293.

Government's doctrinal statements about the separation of church and state more and more and was becoming more and more inclined to strengthen the influence of the church in public life, seeing its activity as the only guarantee of spiritual salvation of Russia. For this reason, during the VChK investigation in 1920, his associate Sergei Kotlyarevsky stated that "Kartashev declared himself as an opponent of the separation of church and state in Russia, at least, for the time being. . ."⁶⁷

The readiness of Kartashev as Minister of Confessions to engage in political dialogue with the Russian Orthodox Church and his compromise policy undoubtedly softened the generally negative attitude of the church circles toward the activities of the Provisional Government. While reproaching the Provisional Government for its inconsistent policy toward the church, Metropolitan Anastasii (Gribanovsky) stressed that his reproaches did not apply to Kartashev, who, "undoubtedly, sincerely promoted the canonical renewal of our church order."⁶⁸ The Bolsheviks' accession to power interrupted Kartashev's policy of cooperation between the Orthodox Church and the state.

Conclusion

The study of Anton Kartashev's political activity shows that his views on church-state relations and the measures he proposed to reform them were clearly inconsistent with the ideas of the separation of church and state which circulated in liberal and socialist circles. It is the most important reason why the declarations of the Provisional Government did not correspond to its activities in the church sphere. Hence the natural question arises: why did Kartashev get a certain freedom in conducting his confessional policy, and why did his personal friend Alexander Kerenskii, other ministers of the government, or the leadership of the Constitutional Democratic Party whose Central Committee included Minister of Confessions not prevent him from doing what they did not agree with?

In our opinion, this paradox can be explained by the fact that neither the Provisional Government nor the Constitutional Democratic or the Socialist-Revolutionary parties gave priority to church-state relations, considering them only in the context of general problems of the democratic transformation of Russia and attributing their solution to the competence of the Constituent Assembly.

---

⁶⁷ A.S. Velidova, ed., *The red book of the Cheka* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Politizdat, 1990), 147.

⁶⁸ Anastasii (Gribanovskii), Metropolitan, "Election and appointment of His Holiness Patriarch Tikhon. The nature of his personality and activity" [in Russian], in *The great church building: Memoirs of the members of the Holy Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918*, comp. N.A. Krivosheeva (Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universtiet, 2009), 531.

In the turbulent atmosphere of the revolutionary events of 1917, the leading politicians simply had no time for church problems. For example, when signing the act on transferring the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions to the Ministry of Confessions, Minister of the Interior Nikolai Avksentiev, a member of the Socialist Revolutionary Party, said to Kartashev, "Please, take it, with great pleasure!" Thus, he was obviously making it clear that he was not interested in such issues.⁶⁹ Pavel Milyukov recollected that when Kartashev resigned at the end of August 1917, no one wanted to deal with church problems, and there was "no other candidate for his post."⁷⁰ In October 1917, at a meeting of the Local Council, Archbishop Kirill of Tambov complained that the audience of the Council's delegation with the Prime Minister lasted only 40 minutes. After that, Kerenskii, his aides-de-camp, and the ministers who were present "began to show signs of impatience and desire to end the conversation."⁷¹ Nikolai D. Kuznetsov, a member of the Council delegation who was present at the audience, said bluntly that the fate of church-parochial schools and the position and activities of the Orthodox Church in general

are apparently of very little interest to the head of the government and do not even receive a sufficient understanding of the state significance of this matter. After our meeting with the head of the government, it became clear that the Provisional Government was, at the very least, indifferent to this matter.⁷²

Undoubtedly, the indifferent attitude of the ministers of the Provisional Government to church problems significantly helped Anton Kartashev to follow his own course.

Kartashev's views on the relationship between the Russian Orthodox Church and the state in 1917 were recognized by Constitutional Democratic Party and by the Provisional Government only as a tactical program of actions designed for the current political moment, that is, until the convocation of the Constituent Assembly. In the tense atmosphere of 1917, the authorities evidently did not want to provoke any conflict with the church. Such a conflict would have been inevitable because of the position taken by the diocesan congresses in the spring of 1917 and by the Pre-Council Committee (which is why Kerenskii responded to the protest of the Local Council and withdrew the bill abolishing obligatory Scripture lessons in schools).

---

⁶⁹ Kartashev, "The Provisional Government and the Russian Church," 385.

⁷⁰ P.N. Milyukov, *The history of the Second Russian Revolution* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2001), 445.

⁷¹ Kolcherin and Mramornov, *Documents of the Holy Council of the Russian Orthodox Church*, vol. 5, 468.

⁷² *Ibid.*, 470.

The church also did not want to provoke any conflicts. This can be concluded from the distancing of the participants of the Local Council from the speech of General L. Kornilov and the refusal to send their representatives to the Pre-Parliament where they would have been inevitably involved in political discussions.⁷³ In such a situation, Kartashev's accommodating policy completely satisfied both sides. The seizure of power by the Bolsheviks buried his ideas of "cooperation rather than separation of church and state."⁷⁴ But it is obvious that if the events had unfolded in a different way, these ideas might have come into conflict with the doctrinal ideas of socialists and of the majority of liberal politicians planning to build a secular non-confessional state.

Список литературы

Антощенко А.В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А.В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 4 (181). – С. 26–33.

Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). – Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. – 532 с.

Булгаков С.Н. Христианский социализм: сборник / редактор-составитель В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. – 350 с.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – Москва: Московский рабочий, Всецерковное православное молодежное движение, 1994. – 621 с.

Егоров А.Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли утнаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди: сборник статей / 2 изд., испр. и доп., под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы. – Москва: Новое издательство, 2007. – С. 831–842.

Егоров А.Н. «Демократ по недоразумению»: политическая деятельность А.В. Карташева в годы Гражданской войны // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 929–973.

Егоров А.Н. Кадеты и выступление генерала Л.Г. Корнилова: дискуссионные проблемы историографии // Вопросы истории. – 2005. – № 8. – С. 157–166.

Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // *Современные записки*. – Париж. – 1933. – № 52. – С. 369–388.

Карташев А.В. Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 годов / составитель Н.А. Кривошеева. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. – С. 486–513.

⁷³ See Kartashev, "The Revolution and the Holy Council of 1917–1918," 486–513.

⁷⁴ Kartashev, "The Provisional Government and the Russian Church," 384.

Карташев А.В. Реформа, реформация и исполнение церкви. – Петроград: Корабль, 1916. – 66 с.

Карташев А.В. Синод и Временное правительство // Русское слово. – 1917. – 20 апреля. – № 87. – С. 2–3.

Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). – Москва: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005 (Серия «Материалы по истории Церкви», кн. 35). – 437 с.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. – Москва: Республика, 1993. – 384 с.

Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010. – 29 с.

Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / составитель М.А. Бабкин. – Москва: РОССПЭН, 2018. – 558 с.

Любимов Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.): сборник / публикация М.И. Одинцова. – Москва: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. – С. 15–120.

Милюков П.Н. История второй русской революции. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 767 с.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – Москва: Прогресс, 1994. – Т. 2, ч. 1. – 416 с.

Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1900–1927. – Санкт-Петербург: Сатисъ, 2002. – 550 с.

Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции: в 22 т. Т. 1. – Берлин: Слово, 1921. – С. 9–96.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / редактор-составитель Ю. Фельштинский. – [Москва]: ТЕРРА, 1990. – 200 с.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – Москва: Республика, 1995. – 511 с.

Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1996. – 22 с.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – Санкт-Петербург: Лики России, 2008. – 224 с.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 1222 с.

Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. ... док. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 810 с.

Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – Москва: Духовная библиотека, 2002. – 624 с.

Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды, (1700–2005). – Москва: Сретенский монастырь, 2006. – 816 с.

Benigsen G.M., Rev. The Year 1917 in the History of the Russian Church // St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1963. – № 3. – P. 115–125.

Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995. – 212 S.

Smolitsch J. Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskonzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland) // Ostkirche Studien. – 1965. – № 4. – S. 3–34.

Smolitsch J. Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917. Bd. 2. – Berlin: [б.и.], 1991. – 251 S.

References

Antoshchenko, A.V. “Istoriograficheskiy obzor issledovaniy zhizni i tvorchestva A.V. Kartasheva” [Historiographical review of studies of the life and work of A.V. Kartashev]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (181) (2019): 26–33. (In Russian)

Babkin, M.A. *Dukhovenstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.)* [The clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of monarchy (early 20th century – late 1917)]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2007. (In Russian)

Babkin, M.A., comp. *Konfessional'naya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii: sbornik dokumentov* [Confessional policy of the Provisional Government of Russia: collection of documents]. Moscow: ROSSPEN, 2018. (In Russian)

Benigsen, G.M., Rev. “The year 1917 in the history of the Russian Church.” *St. Vladimir's Seminary Quarterly*, no. 3 (1963): 115–25.

Bulgakov, S.N. *Khristianskii sotsializm: sbornik* [Christian socialism: a collection], edited and compiled by V.N. Akulinin. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie, 1991. (In Russian)

Egorov, A.N. “‘Demokrat po nedorazumeniyu’: politicheskaya deyatelnost' A.V. Kartasheva v gody Grazhdanskoi voiny” [‘A democrat by mistake’: political activity of Anton Kartashev during the Russian Civil War]. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 929–73. (In Russian)

Egorov, A.N. “Anton Vladimirovich Kartashev: ‘My byli slishkom Gamletami i ne mogli ugnat'sya za katastroficheskim khodom sobytii...’ [Anton Vladimirovich Kartashev: “We were too much Hamlets and could not keep up with the catastrophic course of events...]. In *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi: sbornik statei* [Russian liberalism: ideas and people: a collection of articles], 2nd ed., edited by A.A. Kara-Murza, 831–42. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Egorov, A.N. “Kadety i vystuplenie generala L.G. Kornilova: diskussionnye problemy istoriografii” [Cadets and the speech of General L.G. Kornilov: controversial problems of historiography]. *Voprosy istorii*, no. 8 (2005): 157–66. (In Russian)

Evlogii (Georgievskii), Metropolitan. *Put' moei zhizni: Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [The path of my life: memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievskii) retold by T. Manukhina according to his stories]. Moscow: Moskovskii rabochii, Vsetserkovnoe pravoslavnoe molodezhnoe dvizhenie, 1994. (In Russian)

Firsov, S.L. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the eve of changes (the late 1890s – 1918)]. Moscow: Dukhovnaya biblioteka, 2002. (In Russian)

Kartashev A.V. *Reforma, reformatsiya i ispolnenie tserkvi* [Reform, reformation and the fulfillment of the church]. Petrograd: Korabl', 1916. (In Russian)

Kartashev, A.V. “Revolyutsiya i sobor 1917 – 1918 gg. (Nabroski dlya istorii Russkoi Tserkvi nashikh dnei)” [The Revolution and the Council of 1917–1918 (Notes for the history of the Russian Church of the present day)]. In *Delo velikogo stroitel'stva tserkovnogo: Vospominaniya chlenov Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi tserkvi 1917–1918 godov* [The great church building: Memoirs of the members of the Holy Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918], compiled by N.A. Krivosheeva, 486–513. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 2009. (In Russian)

Kartashev, A.V. “Sinod i Vremennoe pravitel'stvo” [The Synod and the Provisional Government]. *Russkoe slovo*, no. 87, April 20, 1917, p. 2–3. (In Russian)

Kartashev, A.V. “Vremennoe pravitel'stvo i russkaya tserkov'” [The Provisional Government and the Russian Church]. *Sovremennye zapiski*, Paris, no. 52 (1933): 369–88. (In Russian)

Kashevarov, A.N. *Pravoslavnaya Rossiiskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [The Russian Orthodox Church and the Soviet state (1917–1922)]. *Materialy po istorii Tserkvi* [Materials on the church history], bk. 35. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2005. (In Russian)

Kerenskii, A.F. *Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary* [Russia and history's turning point. Memoirs]. Moscow: Respublika, 1993. (In Russian)

Kovyrzin, K.V. *Rossiiskaya Pravoslavnaya Tserkov' i poiski printsipov tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii posle Fevral'skoi revolyutsii* [The Russian Orthodox Church and the search for the principles of church-state relations after the February Revolution]. PhD thesis, St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, 2010. (In Russian)

Lyubimov, N., Protopresbyter. “Dnevnik o zasedaniyakh vnov' sformirovannogo Sinoda (12 aprelya – 12 iyunya 1917 g.)” [Journal of the meetings of the newly formed Synod (April 12 – June 12, 1917)]. In *Rossiiskaya Tserkov' v gody revolyutsii (1917 – 1918 gg.): sbornik* [The Russian Church during the Revolution (1917–1918): a collection], published by M.I. Odintsov, 15–120. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 1995. (In Russian)

Milyukov, P.N. *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [The history of the Second Russian Revolution]. Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russian)

Milyukov, P.N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. 3 vols. Vol. 2, pt. 1. Moscow: Progress, 1994. (In Russian)

Mitrofanov, G., Protoiereus. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 1900–1927* [History of the Russian Orthodox Church, 1900–1927]. St Petersburg: Satis", 2002. (In Russian)

Nabokov, V.D. “Vremennoe pravitel'stvo” [The Provisional Government]. In *Arkhiv russkoi revolyutsii* [The archive of the Russian Revolution], vol. 1, 9–96. Berlin: Slovo, 1921. (In Russian)

Nikolaevskii, B.I. *Russkie masonry i revolyutsiya* [Russian freemasons and the revolution]. Edited and compiled by Yu. Fel'shtinskii. [Moscow]: TERRA, 1990. (In Russian)

Pospelovskii, D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 20 veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika, 1995. (In Russian)

Red'kina, O.Yu. *Veroispovednaya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii (fevral'–oktyabr' 1917 goda)* [Religious policy of the Provisional Government of Russia (February–October 1917)]. PhD thesis. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 1996. (In Russian)

Rogoznyi, P.G. *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (Vysshee dukhovenstvo Rossiiskoi Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoi revolyutsii)* [The church revolution of 1917 (Higher clergy of the Russian Church in the struggle for power in dioceses after the February Revolution)]. St Petersburg: Liki Rossii, 2008. (In Russian)

Schulz, G. *Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.

Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg.: entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000: encyclopaedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russian)

Smolitsch, J. “Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskonzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland).” *Ostkirche Studien*, no. 4 (1965): 3–34.

Smolitsch, J. *Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917*. Bd. 2. Berlin: [n.p.], 1991.

Sokolov, A.V. *Gosudarstvo i Pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 – yanvar' 1918 gg.* [The state and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918]. Doctoral diss. St Petersburg State University, 2014. (In Russian)

Tsy-pin, V. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Sinodal'nyi i noveishii periody, (1700–2005)* [History of the Russian Orthodox Church: synodal and contemporary periods (1700–2005)]. Moscow: Sretenskii monastyr', 2006. (In Russian)

Информация об авторе

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Череповец, пр-т Луначарского, 5)

Information about the author

Andrei N. Egorov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Cherepovets State University (5, Pr-t Lunacharskogo, Cherepovets, Russia, 162600)

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 16.06.2021.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 16.06.2021.